

Хэ Жюянь сердито допрашивала Ло Чэня.

Увидев это, дворецкий Ли подал знак прислуге в столовой, и все поспешно покинули помещение.

Сплетни о работодателях — не та еда, которую стоит жевать.

По крайней мере, не стоит делать это у них на глазах.

А не то, как только работодатель опомнится и почувствует неловкость, всех, кто наёмный, могут попросту уволить.

Дворецкий Ли и прислуга спрятались за большой колонной, ведущей из столовой на кухню. Все молчали, но уши были наготове.

Те, кто отвечал за уборку в столовой, в то же время молча надеялись, что если уж господин с госпожой и будут ссориться, то хотя бы без метания и переворачивания вещей.

А то ведь стол они вымоют, а вот оттирать пол — уже дело хлопотное...

— Что это за слова такие? — нахмурившись, ответил Ло Чэнь. — Неужели ты подозреваешь, что я совершил что-то постыдное? — Сдерживая раздражение, он посмотрел на Ло Цяньцзяня и продолжил: — К тому же, совершенно очевидно, что это ты всё устроил... Цяньцзянь, ты вообще понимаешь, что делаешь?

Все взгляды снова устремились на Ло Цяньцзяня.

Оказавшись в центре внимания, тот выглядел одновременно невиноватым и озадаченным:

— Я всего лишь хотел сделать папе сюрприз на день рождения... Не думал, что всё обернётся вот так. Вы меня совсем запутали... Папа, ты ведь сам говорил, что тётя Лю — это ваша с мамой подруга юности. Ты так долго заботился о её семье... Разве это не может считаться приятным сюрпризом?

Слова Ло Цяньцзяня звучали дерзко, но при этом интонация и выражение лица были безупречно искренними, даже трогательными.

Ло Чэнь ещё больше разозлился.

Он даже слегка задохнулся от волнения, уставился на сына:

— Ты!

— Что значит “так долго заботился”? С каких это пор Лю Жо стала твоей подругой юности?! — с яростью в голосе набросилась на него Хэ Жуянь, сверкая глазами. — Ло Чэнь! Не переводи стрелки! Объясни мне всё как следует!

Ло Чэнь стиснул зубы.

Ло Цяньцзянь выглядел ещё более невинным:

— Папа, я знаю, ты просил меня сохранить это в тайне, но мне действительно казалось, что помогать другу — это хорошее дело. Я просто хотел, чтобы все в семье знали, какой ты добрый человек... И чтобы твой день рождения прошёл повеселее... Но мама так разозлилась, я даже не ожидал.

Ло Чэнь: ...

Он не знал, что сказать, и мог только глубоко дышать, чтобы успокоиться.

Трое из семьи Лю стояли в столовой и чувствовали себя крайне неловко: ни войти толком, ни уйти, и вообще не понимали, что происходит.

Минуту назад они ещё с нетерпением ждали момента появления.

А теперь казалось, будто их даже не успели объявить, как публика уже освистала их с ног до головы.

В довершение всего шестой сын семьи Ло, Ло Шаньтин, ещё и встрял в разговор:

— В смысле... неужели папа... изменяет?

— Чушь собачья! — Ло Чэнь с силой ударил по столу и вскочил. — Дурак! Как ты можешь думать такое о своём отце?!

Ло Шаньтин съёжился:

— Тогда... тогда что вообще происходит?.. Почему третий брат знает этих троих? Почему мама так злится? Почему ты вообще заботился об их семье, пап?..

Вопросы Ло Шаньтина, прозвучавшие с детской непосредственностью, застали Ло Чэня врасплох. Но и другие дети смотрели на отца с непониманием, все хотели услышать ответ.

Никто не стал вмешиваться, чтобы сгладить ситуацию.

Ло Чэнь снова сделал несколько глубоких вдохов, потом посмотрел на Хэ Жуянь, у которой от злости покраснели глаза, и постарался говорить как можно спокойнее:

— Жуянь, выслушай меня...

Та, что секунду назад ещё допрашивала его, вспыхнула ещё сильнее:

— Выслушать? Что тут выслушивать! Я не хочу ничего слушать! Раз уж ты был способен сделать такое — что тут объяснять!

— Жуянь, это не то, что ты думаешь, между мной и А Жо...

— А Жо? — холодно усмехнулась Хэ Жуянь. — Как мило ты её называешь! Вам самим-то не стыдно? В молодости не нагулялись, теперь в старости решили возобновить?! Уже и до старости дожили, вон, у людей внуки есть, а ты всё "А Жо" да "А Жо"! Ло Чэнь! Ты хоть помнишь, что обещал мне тогда?! Это же ты сам клялся, что больше никогда не будешь с ней общаться! Что не станешь больше упоминать это омерзительное имя в моём присутствии!

— Сестра Жуянь, вы неправильно поняли, брат Чэнь просто... — Лю Жо тоже прослезилась, словно хрупкий цветок на ветру, пытаясь объясниться.

Ло Цяньцзянь про себя подумал: хорошо ещё, что все трое старших выглядят вполне ухоженно. А то если бы три пожилых человека, которым уже за пятьдесят, устраивали такие страсти-мордасти... Это, пожалуй, было бы слишком для глаз.

Услышав, как заговорила Лю Жо, Хэ Жуянь схватила блюдо и швырнула в её сторону.

Подача блюда была очень аккуратной, да и само блюдо было большим. Хэ Жуянь поднимала его обеими руками — это было совсем не просто.

Лю Жо отшатнулась в сторону, пытаясь увернуться:

— Сестра Жуянь...

— Убирайся! — закричала Хэ Жуянь. — Кто ты такая, чтобы лезть в дела моей семьи!

Ло Чэнь нахмурился:

— Жуянь, не надо так. Я понимаю, ты сейчас в бешенстве и не хочешь ничего слушать, но

между мной и А Жо нет ничего такого. Пожалуйста, выслушай меня...

— Не хочу! Не буду слушать! — Хэ Жуянь словно заела на одной фразе. — Сами сделали такую бесстыдную вещь, а теперь ещё и оправдываться смееете? Ло Чэнь, тебе больше не о чем говорить! Мы разводимся! Место госпожи Ло я освобождаю для твоей дорогой А Жо! Воссоединяйтесь, раз так хотите!

— Хэ Жуянь! — Ло Чэнь взорвался, услышав слово "развод", и с криком встал, — Ты можешь не устраивать этот цирк? Я же сказал: между мной и А Жо ничего нет! Обязательно всё на показ выставлять? Пусть дети сидят и смеются?

В этот момент Лю Цинцин невинным детским голоском вставил:

— У моей мамы ещё нет внуков, бабушка... это ты про меня говоришь?

Услышав слова Лю Цинциня — особенно это "бабушка" — Хэ Жуянь взбесилась ещё сильнее. Она схватила другое блюдо со стола и с грохотом разбила его об пол.

На этот раз она даже выбрала специально — то, которое можно было поднять одной рукой.

Порцелян раскололся, звон разнёсся по комнате и долетел до ушей слуг, прячущихся за колонной.

Слуги горестно подумали о том, насколько грязным теперь будет пол — ведь они его только что вымыли...

— Отлично! Я-то думала, это внук, а оказывается — ещё один сын! Ло Чэнь! Лю Жо! Да вы совсем стыд потеряли! На старости лет завели внебрачного ребёнка! — Хэ Жуянь заплакала, охваченная отчаянием. — И этот старший... он тоже ваш, да? Ло Чэнь, сколько лет ты меня обманывал?!

Ло Чэнь выглядел полностью измотанным:

— Всё не так, Жуянь. Я же сказал: ты всё неправильно поняла. Дай мне объяснить...

Хэ Жуянь:

— Я не...

— Мама, давай выслушаем. Папа, ты тоже уже объясни, наконец, — вмешался старший сын, Ло Хэфэн, с выражением крайнего раздражения на лице.

Все шестеро детей семьи Ло, кроме Ло Цяньцзяня, который явно получал удовольствие от происходящего, смотрели на родителей с изумлением и головной болью. Все, как один, надеялись, что Ло Чэнь и Хэ Жуянь поскорее объяснят всё и не доведут до разрушения семьи.

После слов Ло Хэфэна Ло Чэнь наконец получил возможность объясниться, а Хэ Жуянь больше не повторяла «я не хочу слушать», только молча смотрела на него, глаза её были полны слёз.

— Жуянь, эти двое детей Лю Жо — они не мои. Если ты не веришь, мы можем сделать тест на отцовство. Между мной и А Жо действительно ничего не было, мы тебе не изменяли. Да, я кое-что от тебя скрывал, но только потому, что боялся, как ты отреагируешь. Ты ведь знаешь, что Лю Жо в молодости была замужем, а потом полностью исчезла из нашего круга. Мы с ней снова встретились совершенно случайно. Это было лет десять назад. Она тогда развелась, у неё уже были сын и дочь. Бывший муж оказался подлецом — выгнал её из дома без копейки, с двумя детьми на руках. Ей было тяжело, очень тяжело. Мы случайно пересеклись, и я просто не мог смотреть, как она с детьми замерзает и голодает на улице. А Жо приняла мою помощь только ради детей. Все эти годы я лишь обеспечивал им материальную поддержку — ни разу не перешёл черту.

После этих слов Ло Чэнь замолчал.

Изначально Ло Чэнь ещё чувствовал себя немного виноватым, но, объяснившись, вдруг понял, что ему и стыдиться-то нечего. В конце концов, как Ло Цяньцзянь только что сказал ему — он ведь доброе дело сделал!

Хэ Жуянь такая добрая, она обязательно всё поймёт! В молодости она ведь уже принимала Лю Жо в дом семьи Ло!

Однако Хэ Жуянь уставилась на него с гневом:

— Это и есть твоё объяснение? Это ты называешь благородной причиной? А ты кто такой? И кто она тебе такая? Даже если бы у неё вся семья умерла на улице, это не твоё дело было бы спасать их! Ло Чэнь, ты забыл, что обещал мне? Забыл, сколько я натерпелась из-за неё, когда была молодой? Ты хоть помнишь, что сам лично выгнал её из дома семьи Ло? Потому что она, пока я лежала после выкидыша, подсыпала тебе возбуждающее в суп, чтобы соблазнить тебя!

Слёзы текли по её щекам, но голос при этом звучал твёрдо и отчётливо.

Она выговаривала каждое слово с нажимом. В комнате воцарилась мёртвая тишина.

Ло Цяньцзянь в это время с ленивым интересом подумал: всё-таки старшее поколение — это сила, столько всего пережили...

На лицах Ло Чэня и Лю Жо одновременно появилось смущение и неловкость.

— Что, — продолжила Хэ Жуянь, — тогда тебе показалось, что твоя «белая луна» лишилась всей своей прелести, вот ты и выгнал её? А теперь, спустя годы, забыл, как было больно, и снова почувствовал к ней влечение? «Чёрная луна» опять стала белой, и ты зашевелился, да?

Она указала пальцем на Лю Жо, потом обернулась к Ло Чэню:

— Ты такую вот женщину держал как сокровище, содержал всю её семью, и так — десять лет! Ты скрывал это от меня десять лет! Ло Чэнь, я с тобой развожусь! Обязательно разведусь! Я больше не собираюсь жить с тобой! Хочешь — живи с кем угодно, только не со мной!

— Жуянь, Жуянь, не говори так, я был неправ, но не надо бросаться такими словами, дети же всё слышат... Я клянусь, больше никогда не встречусь с А Жо и её детьми, поверь мне...

Ло Чэнь схватил Хэ Жуянь за руку, на слово "развод" он отреагировал так, будто его ударили — с острой паникой.

Лю Жо тоже плакала, всхлипывая, сказала:

— Прости, сестра Жуянь, это я доставила вам с братом Чэнем столько хлопот... Сегодня ещё и осмелилась прийти в дом семьи Ло... Мне так стыдно. Не вините брата Чэня, он просто слишком добрый. Не разводите из-за меня, я действительно очень сожалею... Сестра Жуянь, пожалуйста, не волнуйтесь. Я больше не приму от него никакой помощи. Кроме Цинциня, мои дети уже выросли. Раньше я слишком сильно обременяла брата Чэня...

Лю Вэй стоял с опущенной головой, выглядя крайне неловко, и молчал.

А вот Лю Цинцин, будучи ребёнком, говорил всё как есть. Услышав слова матери, он заплакал:

— У-у-у, мамочка... дядя Ло... У-у-у, мы теперь не увидим дядю Ло? Но... но я же так люблю дядю Ло! У меня нет папы... а дядя Ло — он и есть мой папа... я не хочу расставаться с дядей Ло... у-у-у...

Ребёнок громко разрыдался, Хэ Жуянь снова швырнула тарелку с едой и холодно взглянула на Ло Чэня:

— Вот это настоящая «отцовская любовь», Ло Чэнь.

На этом еда перед Ло Чэнем и Хэ Жуянь оказалась полностью разбросана, а «уборка» стола шла полным ходом.

Ло Чэнь был в полном замешательстве, не выдержал и тоже разбил стоящий рядом стакан — не пожалел даже посуды.

Лю Жо, безуспешно попытавшись утихомирить Лю Цинцина, сказала:

— Простите... мы, мы, наверное, лучше уйдём. Цинцин, давай попрощаемся с дядей Ло, тётей Хэ, братьями и сёстрами. Не плачь больше, Цинцин...

Но Цинцин всё ещё безутешно плакал, даже начал икать от рыданий, выглядя крайне жалко.

Ло Цяньцзянь тихо цокнул языком — его начало раздражать.

Ссоритесь — и ладно, но зачем всё это нытьё?

Дети действительно надоедливы. Мешают взрослым ругаться.

Ло Цяньцзянь раздражённо ненавидел всё человечество без разбора.

— В общем, это и моя вина. Если бы я знал, что между тётей Лю и родителями всё так сложно, я бы не стал самовольно приглашать её с семьёй... — произнёс он, сохраняя полное спокойствие.

Но в его тоне не чувствовалось ни капли искреннего раскаяния — будто он нарочно устроил весь этот балаган.

Ло Чэнь и так был зол на сына за то, что тот не только не сохранил в секрете, но ещё и привёл Лю Жо с детьми прямо в дом. А увидев это выражение, разозлился ещё больше:

— Ло Цяньцзянь! Так ты всё-таки понимаешь, что виноват? Ты испортил мне день рождения!

— Виноват? А в чём именно? В том, что не помог прикрыть твои грязные тайны? — вмешалась Хэ Жуянь и крикнула в ответ. — Ло Чэнь, тебе не стыдно? Совершаешь такие вещи, а потом ещё запугиваешь ребёнка, чтобы он молчал! К счастью, Цяньцзянь у нас простодушный и правда подумал, что делает доброе дело. Он просто хотел устроить тебе сюрприз и чтобы вся семья узнала, какое ты доброе дело совершил. Вот и раскрыл правду. Если бы не это, ты бы и дальше меня обманывал? Сколько ты ещё собирался делать из меня дурочку?

Хэ Жуянь, встав на сторону Ло Цяньцзяня, глубоко растрогала последнего.

Он решил отблагодарить её следующим сюрпризом.

Ло Цяньцзянь взял в руки перевернутую рамку с портретом, стоявшую перед ним на столе.

На самом деле все в семье Ло уже давно заметили, что на столе стоит рамка, но когда Ло

Цяньцзянь подходил туда в самом начале, ещё не успели расспросить — в этот момент как раз вошла семья Лю, началась ссора, и всем было не до рамки.

— Спасибо, мам, что понимаешь меня. Папа, я правда не знал, что всё так сложно. Получилось, что испортил твой день рождения и расстроил маму. Мне так стыдно... — с вежливым видом продолжил Ло Цяньцзянь. — Но, к счастью, мы же семья, а у семьи не бывает обид, которые не проходят за ночь. Папа, мама, вы ведь не злитесь на меня, правда?

Не дождавшись ответа, он добавил:

— Пожалуйста, не ссорьтесь. Нам, детям, от этого очень тяжело. Тем более сегодня день рождения папы, давайте отпразднуем всей семьёй, как положено. Кстати, у меня ещё один сюрприз! Думаю, мама увидит — и перестанет злиться.

С этими словами Ло Цяньцзянь перевернул рамку, показывая лицо Му Цина на траурном портрете.

Он с сияющей улыбкой посмотрел на Хэ Жуянь.

Та уже заметно побледнела.

А Ло Цяньцзянь продолжал бодро и оживлённо:

— Папа заботится о старых друзьях, мама вспоминает их — вы оба такие добрые! Пусть я и не знал всех подробностей вашей юности, но ведь главное, что мы сегодня собрались все вместе! Я специально взял портрет дяди Му из оранжереи, чтобы было веселее. Папа, мама, чем больше людей — тем веселее, не так ли?

Он говорил так, будто совсем ничего не понимал и не осознавал, что минуту назад родители ссорились из-за Лю Жо вплоть до слов о разводе. Более того, он даже не оставлял попыток уговорить всех остаться и поужинать вместе — говорил всё это с искренним воодушевлением.

Словно для него действительно не существовало ничего, кроме как устроить папе отличный день рождения.

Такой «сыновний долг» аж вызвал у Ло Чэня и Хэ Жуянь приступ сердечной боли.

Ло Чэнь, который и так был на грани, увидев траурный портрет, снова вспыхнул от злости:

— Хэ Жуянь! Это ещё что такое?! Почему у тебя до сих пор есть фотография Му Цина?! Ты разве не давала мне обещание?! Ты позволила ребёнку звать его дядей Му?! Ты...

Хоть Хэ Жуянь и почувствовала себя неловко, но на фоне всей лжи и двуличия Ло Чэня с Лю Жо она вдруг обрела уверенность.

— А что такого? Это всего лишь портрет! Ну и что, что Цяньцзянь звал его дядей? Ты сам разрешил ему звать Лю Жо тётей! По крайней мере, Му Цин нам никогда ничего плохого не сделал — это мы причинили ему зло! Он уже умер! Я никогда не предавала тебя, а вот Лю Жо, которую ты тайно содержал целых десять лет, до сих пор стоит здесь! С чего ты вдруг решил меня упрекать?!

Вспыхнула новая волна конфликта. Родительская драма вновь заняла центр сцены, а Ло Цяньцзянь временно сдал позиции, чтобы понаблюдать за спектаклем.

Очевидно, страсть к «жареным сплетням» не имеет возрастных ограничений — даже Лю Цинцин, который только что ещё рыдал, теперь с круглыми глазами следил за ссорой Хэ Жуянь и Ло Чэня, забыв о своих слезах.

Ло Чэнь хотел что-нибудь швырнуть, но посуда стояла далеко, не под рукой, поэтому он просто пнул стул, на котором сидел раньше.

Затем он резко заявил Хэ Жуянь:

— Ладно! Раз ты так говоришь, мне больше нечего добавить. Развод так развод! Всё равно ты давно этого хотела. Ты же всю жизнь любила только Му Цина. Я всегда это знал — если бы он не умер, ты бы никогда не вышла за меня. Хэ Жуянь, между нами всё кончено!

Хэ Жуянь плакала навзрыд:

— Ло Чэнь, ты всегда такой! Сам меня предаёшь, а потом обвиняешь в том, что я тебя недостаточно люблю! А ты любил меня хоть немного? Если бы любил, не привёл бы Лю Жо обратно в мой дом! Ты же сам из ревности убил Му Цина! Был жесток с ним, а вот с Лю Жо — мягок... ну конечно! Ведь она твоя белая луна, а я — всего лишь комариная кровь...

Остальные пятеро детей Ло снова были в полном замешательстве.

А этот «дядя Му» вообще откуда взялся?

И почему, среди всех детей в семье Ло, всё это знал только Ло Цяньцзянь?..

<http://bllate.org/book/14857/1321715>